

Вероника Тушинова

Я желаю тебе добра...

- *Презентация к литературной гостиной по творчеству Вероники Тушиновой (10 класс)*
- *Початкова Тамара Оскаровна, учитель русского языка и литературы МАОУ «СОШ 133» города Барнаула Алтайского края*
- *2018*

Живое слово Вероники Тушиновой всегда в сердцах её почитателей...

- *Данная презентация стала прекрасным сопровождением литературной гостиной по творчеству Вероники Тушиновой для учащихся 10-11 классов.*
- *Она позволила приобщиться к мироощущению великоленной поэтессы, узнать её нестареющие стихи.*

Вероника Гуашова

(14 (27) марта 1915 14 (27) марта 1915, Казань
(27) марта 1915, Казань — 7 июля 14 (27) марта 1915,
Казань — 7 июля 1965 14 (27) марта 1915, Казань — 7 июля

Тушнова родилась 27 марта
1915 года

(дата нового стиля) в Казани,
в семье профессора
медицины Казанского
Университета Михаила
Тушнова и его жены,
Александры, урожденной
Постниковой, выпускницы
Высших женских
Бестужевских Курсов в

Родители — Александра Георгиевна
и Михаил Павлович Тушиновы

девочка, писавшая стихи с детства, но
прятавшая их от отца, согласно его же
непререкаемому желанию, сразу после
окончания школы поступила в
Ленинградский медицинский институт ...

*“Меня часто спрашивают: А когда вы
начали писать стихи”? И мне всегда бывает
трудно ответить на этот вопрос. Что
понимать под словами “писать стихи”?*

*Складывать фразы в правильно
чередующиеся, зарифмованные строки и
строфы? Если так, то я начала писать в
самом раннем детстве, лет в шесть-семь:*

Солнышко светит и греет

Вероника Михайловна проучилась на факультете терапии четыре года, но больше не смогла истязать свою душу: Ее всерьез увлекли занятия живописью, да и поэтическое вдохновение не покидало.

В начале лета *1941* года Тушнова поступает в Московский Литературный институт имени М.Горького. Ее желание профессионально и всерьез заниматься поэзией и филологией вроде бы начинает сбываться. Но учиться не пришлось.

Началась война. Отец Вероники Михайловны к тому времени скончался. Осталась больная мать и маленькая дочь₈
Наташа ...

**Когда началась война, дочери
Тушновой Наташе шел 3-й год, и эти два
понятия - дети и война — слились в ее
стихах.**

**Дом военных лет, “раскрытый”,
разоренный, с постоянной тревогой за
судьбы близких, с лихорадочными
сборами ...**

***И снова поиски ключа,
И дверь с задвижкой тугою.
И снова тельце у плеча,
Обмякшее и дорогое...
Как назло, лестница крута, -
Скользят по сбитым плитам
ноги, -
И вот навстречу, на пороге
Бормочущая темнота***

СТАРЫЙ ДОМ

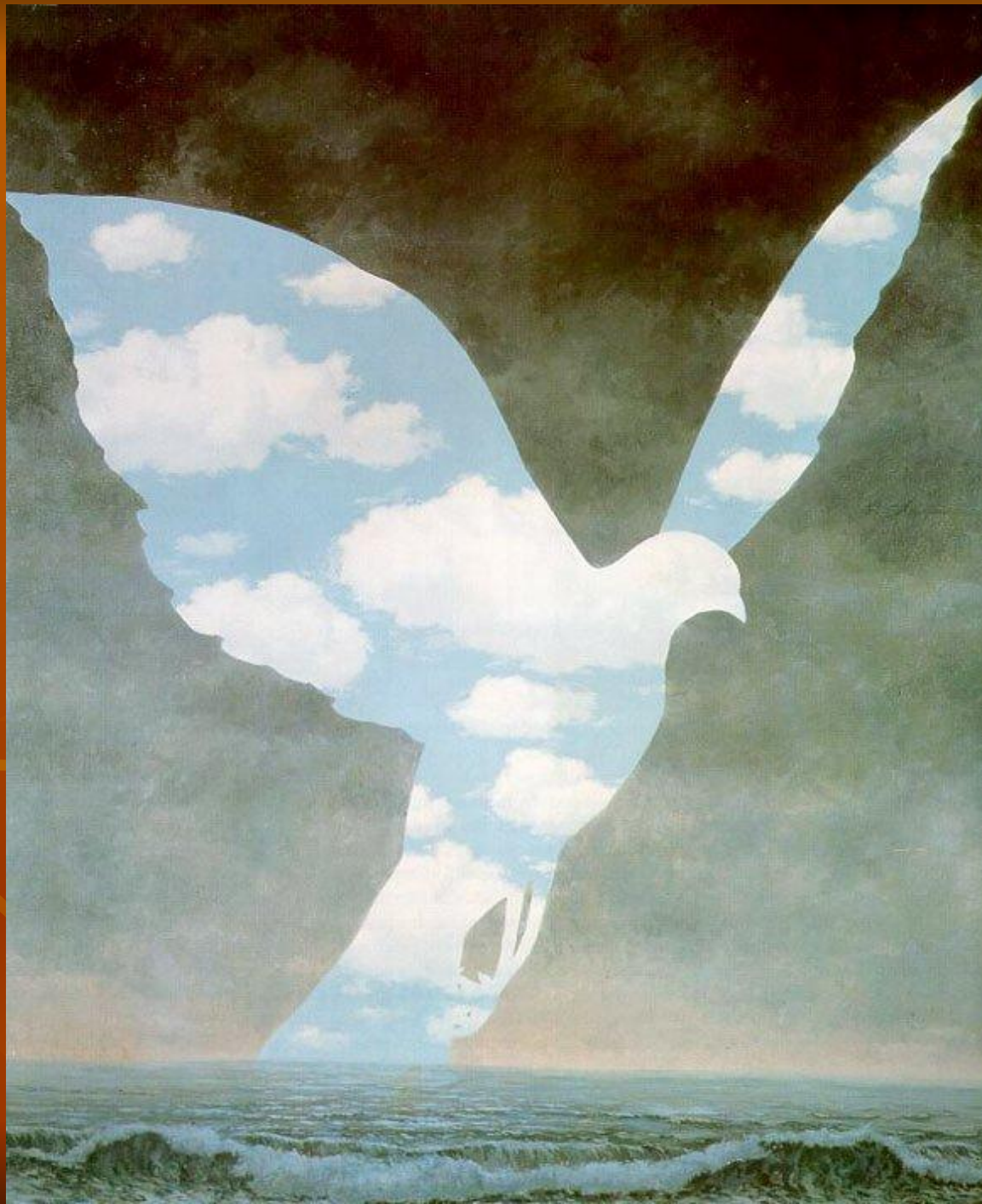
Сколько раз я мечтала в долгой жизни своей постоять, как бывало, возле этих дверей. В эти стены взглядеться, в этот тополь сухой, отыскать свое детство за чердачной стрехой. Но стою и не верю многолетней мечте: просто двери как двери. Неужели же те? Просто чье-то жилище, старый розовый дом. Больше, лучше и чище то, что знаю о нем. Вот ведь что оказалось: на родной стороне ничего не осталось, - все со мной и во мне. Зря стою я у окон в тихой улочке той: дом - покинутый кокон, дом - навеки пустой.

Это дом, брошенный в спешке
людьми, бежавшими от
фашистов :

*Ни скрипа, ни шороха в доме пустом,
Он весь потемнел и намок.
Ступени завалены палым листом,
Висит заржавелый замок.*

*Это эвакуация в глубь России:
Наш новый дом в сугробах под горой,
К нему бежит петлистая дорожка,
В нем есть окно за ледяной корой,
Печурка есть, горячая картошка...*

ПТИЦА

*Бои ушли. Завесой плотной
плывут туманы вслед врагам,
и снега чистые полотна
расстелены по берегам.*

*И слышно: птица птицу кличет,
тревожа утреннюю стынь.*

*И бесприютен голос птичий
среди обугленных пустынь.*

*Он бьется, жалобный и тонкий,
о синеву речного льда,
как будто мать зовет ребенка,
потерянного навсегда.*

*Кружит он в скованном просторе,
звения немыслимой тоской,
как будто человечесь горе
осталось плакать над рекой.*

во время войны. Я работала в госпитале с утра до ночи и очень редко бралась за карандаш. Но сколько я передумала и перечувствовала за это время! И что самое удивительное, у меня появилось новое, никогда ещё не испытанное мною чувство – мне вдруг захотелось, чтобы стихи мои узнали, прочли, мне хотелось своими стихами вмешаться в жизнь, что-то изменить в ней”

Ее так и звали павлова: “доктор а

В 1945 году вышли из печати ее

поэтические опыты, которые она так и назвала
'Первая книга". Это был сравнительно поздний
дебют - Веронике Михайловне было уже 29 лет -
и прошел он как - то незаметно. тихо....

С редактором «Первой книги»
поэтом Павлом Антокольским

Ничего удивительно, что вторая книга Вероники Михайловны "Пути - дороги" увидит свет только через десять лет, в 1954 году.

Она просто не решалась выпустить ее в свет. В основу этой книги легли стихотворения, написанные часто в дороге и навеянные дорожными встречами и впечатлениями, знакомствами с новыми людьми и новыми местами. "Азербайджанская весна" - так называется один из поэтических циклов Тушновой ...

Эти десять лет были очень трудными для Вероники Михайловны. Она искала свой собственный путь в поэзии. Искала тяжело, мучительно, часто сбиваясь с такта и много теряя и для сердца, и для таланта ...

двадцати страницах сборника, в разделе 'Стихи о счастье', поэтесса, словно сбросив тяжкую ношу, вдруг стала самой собою. Возникло вдруг истинное лицо пишущей-любящей, томящейся, страдающей женщины. Временами оно было почти портретно - точным, единственным в своей живой конкретности: 'ресницы, слепленные вьюгой, волос намокшее крыло, прозрачное свечение кожи, лица изменчивый овал', - но одновременно это было лицо, подобное тысячам других женских лиц, это была душа, точно так же, как и они, страдающая и любящая, мучимая и где - то мучающая другого, пусть и страстно любимого

Каждая из читательниц могла почувствовать
в строчках Тушновой свою "вьюгу", свои
счастливые и горькие минуты и только свое,
но такое общее, понятное для всех, тревожное
ощущение неумолимого бега времени и
упрямую, немного странную, обманчивую и
наивную веру в счастье:

...Я перестану ждать тебя,
А ты придешь совсем внезапно.
А ты придешь, когда темно,
Когда в стекло ударит вьюга...
Когда припомнишь, как давно
Не согревали мы друг друга!

В. Тушнова "Не отрекаются любя..."

*Людские души - души разные,
не перечислить их, не счесть.
Есть злые, добрые и праздные
и грозные души есть.*

*Иная в силе не нуждается,
ее дыханием коснись -
и в ней чистейший звук рождается,
распространяясь вдаль и ввысь.*

*Другая хмуро-неотзывчива,
другая каменно-глуха
для света звезд,
для пенья птичьего,
для музыки
и для стиха.*

*Она почти недосыгаема,
пока не вторгнутся в нее
любви тревога и отчаянье,
сердечной боли острие.*

*Смятенная и незащищенная,
она очнется,
и тогда*

*сама по-птичьи закричит она
И засияет как звезда*

После этих строк, выученных и переписанных сотнями читательниц в тетради, к Веронике Михайловне пришла известность. Ее поэтический голос набрал силу и высоту. Выпущенная в 1958 году книга "Память сердца" была уже чисто лирической. Главная тема поэтессы вышла на первый план, потеснив все остальное ...

**Любовь на свете есть!
Единственная - в счастье и в
печали,
В болезни и здравии - одна,
Такая же в конце, как и в начале,
Которой даже старость не
страшна.
Не на песке построенное зданье,
Не выдумка досужая, она
Пожизненное первое свиданье,
Безветрие и гроз чередование!
Сто тысяч раз встающая волна!**

Нельзя за любовь - любое,
Нельзя, чтобы то, что всем.
за любовь платят любовью
Или не платят совсем.
Принимают и не смущаются,
Просто благодарят.
или (и так случается!)
Спасибо не говорят.
Горькое... вековечное...
Не буду судьбу корить.
жалею тех, кому нечего
или некому
Подарить ...

В. Тушнова. «Нельзя за любовь»

* * *

А знаешь, все еще будет!
Южный ветер еще подует,
и весну еще наколдует,
и память перелистает,
и встретиться нас заставит,
и еще меня на рассвете
губы твои разбудят.
Понимаешь, все еще будет!
В сто концов убегают рельсы,
самолеты уходят в рейсы,
корабли снимаются с якоря...
Если б помнили это люди,
чаще думали бы о чуде,
реже бы люди плакали.
Счастье — что оно? Та же птица:
упустишь и не поймает.
А в клетке ему томиться
тоже ведь не годится,
трудно с ним, понимаешь?
Я его не запру безжалостно,
крыльев не искалечу.
Улетаешь?
Лети, пожалуйста...
Знаешь, как отпразднуем
встречу!

Я ЖЕЛАЮ ТЕБЕ ДОБРА!

Улыбалось, а сердце плачет
в одинокие вечера.
Я люблю тебя.
Это значит —
я желаю тебе добра.
Это значит, моя отрада,
слов не надо,
и встреч не надо,
и не надо моей печали,
и не надо твоей тревоги,
и не надо, чтобы в дороге
мы рассветы с тобой встречали.
Вот и старость вдали маячит,
и о многом забыть пора...
Я люблю тебя.
Это значит —
я желаю тебе добра,
Значит, как мне тебя покинуть,
как мне память из сердца вынуть,
как не греть твоих рук озябших,
непосильную ношу взявших?
Кто же скажет, моя отрада,
что нам надо,
а что не надо,
посоветует, как же быть?

Красивая, черноволосая женщина с печальными глазами (за характерную и непривычную среднерусскому глазу красоту ее называли смеясь 'восточной красавицей'), с мягким характером, любившая дарить подарки не только близким, но и просто друзьям; мчавшаяся по первому зову на помощь в любое время дня и ночи, заражавшая всех смехом, весельем и подлинной любовью к жизни; эта вот красавица - поэтесса, с чьими стихами о Любви под подушкой засыпало целое поколение девчонок, - сама переживала трагедию - счастье Чувства, озарившего своим Светом последние ее годы на Земле и давшего мощный поток энергии ее Творчеству ...

Любовь эта была разделенной, но
тайной, потому что, как писала сама
Тушнова:

**Стоит между нами
Не море большое -
Горькое горе,
Сердце чужое ...**

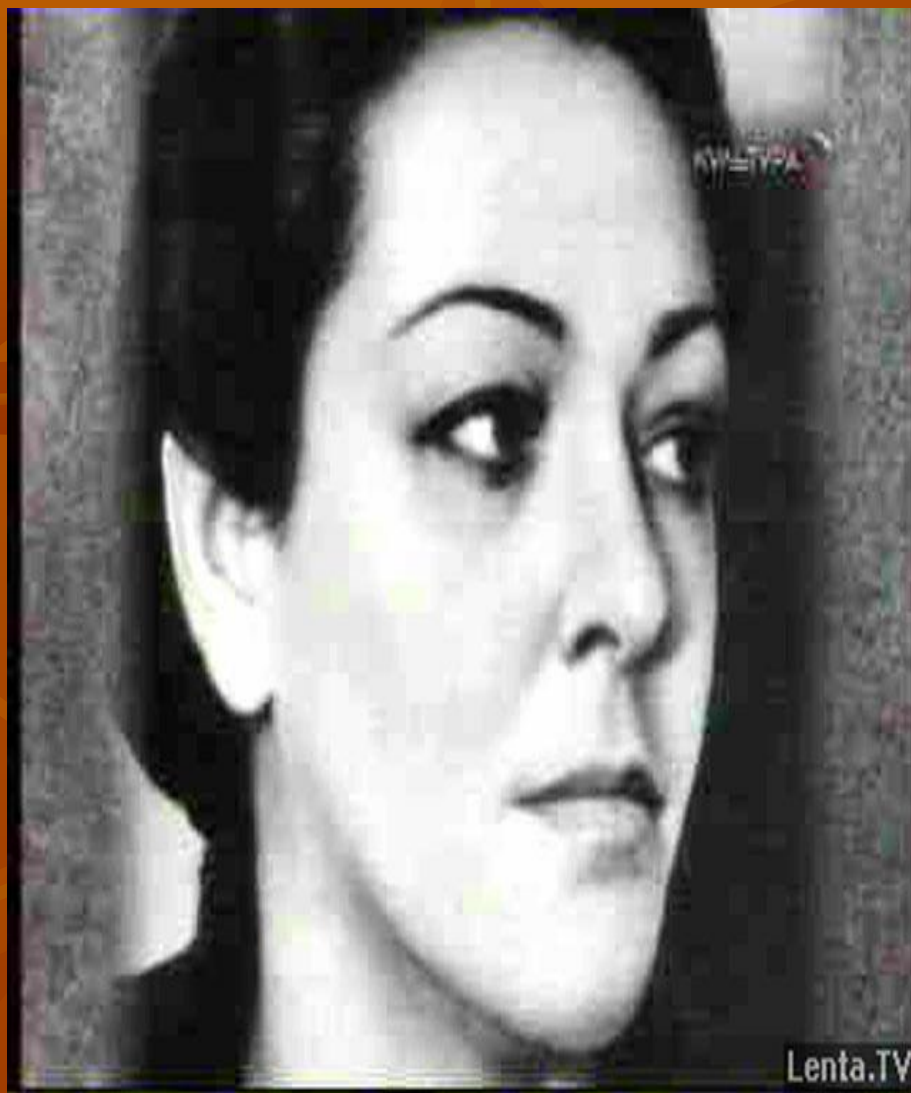
В Тушнова "Хмурую землю"

Михайловна, поэт Александр Яшин, был женат, не мог оставить семью, да и кто знает, смогла бы Вероника Михайловна, человек все понимающий, и воспринимающий обостренно и тонко, - ведь у поэтов от Бога "нервы на кончиках пальцев", - решиться на столь резкий поворот Судеб, больше трагический, чем счастливый? Наверное, нет. Она называла свое чувство бурей, с которой никак не справлюсь" и доверяла малейшие его оттенки и перебивы своим стихам как

да на это права не имею,
будто на любовь бывает
право,
будто может правдой
стать неправда.
Не горит очаг твой, а
дымится,
не цветёт душа твоя —
пылится,
задыхаясь, по грозе
томится,
ливня молит, дождика
боится...

**Веронике Тушновой и
Александру Яшину**

**Сто часов счастья,
Чистейшего, без
обмана...**

**Сто часов счастья!
Разве этого мало?**

В. Тушнова

Я не открою, право же, секрета,
Коль гляну в ваши трепетные дни.
Вы жили, как Ромео и Джульетта,
Хоть были вдвое старше, чем они.

Но разве же зазорна иль позорна
В усталом сердце брызнувшая новь?/
Любви и впрямь «все возрасты покорны»
Когда придет действительно любовь!

Бывает так: спокойно, еле-еле
Живут, как дремлют в зиму и жару.
А вы избрали счастье. Вы не тлели,
Вы горячо и радостно горели,
Горели, словно хворост на ветру,

Пускай бормочет зависть, обозлясь,
И сплетня вслед камнями швыряет
Вы шли вперед, ухабов не страшась,
Ведь незаконна в мире только грязь,
Любовь же «незаконной» не бывает!

Дворец культуры. Отшумевший зал.
И вот мы трое за крепчайшим чаем.
Усталые, смеемся и болтаем.
Что знал тогда я? Ничего не знал

Но вслушивался с легким удивленьем,
Как ваши речи из обычных слов
Вдруг обретали новое значение,
И все — от стен до звездного круженья —
Как будто говорило про любовь!

Да так оно, наверное, и было.
Но дни у счастья, в общем, коротки.
И, взмыв в зенит и исчерпав все силы,
Она, как птица, первой заплатила
За «сто часов» блаженства и тоски...

А в зимний вечер, может, годом позже
Нас с ним столкнул людской водоворот.
И сквозь беседу ну почти что кожей
Я чувствовал: о, как же не похожи
Два человека — нынешний и тот.

Всегда горячий, спорщик и боец,
Теперь, как в омут, погруженный в лихо
Я жал вам руки дружески не раз,
Брел как во сне, потерянный и тихий, Спеша куда-то в городском трезвоне,
И в сердце вдруг, как пуля: — Не жилец!
И вашу боль, и бури ваших глаз,
Все ваше счастье, может, в первый раз,
Как самородок, взвесил на ладони.

Две книги рядом в комнатной тиши...
Как два плеча, прижатые друг к другу.
Две нежности, два сердца, две души,
И лишь любовь одна, как море ржи,
И смерть одна, от одного недуга...

Но что такое смерть или бессмертье?!
Пусть стали тайной и она, и он,
И все же каждый верен и влюблен
И посейчас, и за чертою смерти!

И коль порой устану от худого,
От чьих-то сплетен или мелких слов,
Махну рукой и отвернусь сурово.
Но лишь о вас подумаю, как снова
Готов сражаться насмерть за любовь!

Две книги рядом, полные тепла,
Где в жилах строк — упругое биенье.
Две книги рядом, будто два крыла,
Земной любви живое продолженье.

смерти поэтессы, в 1969 году!) стихотворения, навеянные этим глубоким и на удивление нежным чувством, не могли избавиться от ощущения, что у них на ладони лежит 'пульсирующее и окровавленное сердце, нежное, трепещет в руке и своим теплом пытается согреть ладони': Лучшего сравнения нельзя и придумать. Может быть, поэтому поэзия Тушновой до сих пор жива, книги переиздаются, помещаются в интернет - сайты и легких, как крылья бабочки, строчек Тушновой, кстати, созданных 'в крайнем страдании и острейшем счастье', (И. Снегова) знают больше, чем подробности ее сложной, трагической почти, биографии. Впрочем, таковы Судьбы практически всех истинных

В чем отказала я тебе,
скажи?
Ты целовать просил -
я целовала.
Ты лгать просил,-
как помнишь, и во лжи
ни разу я тебе не отказала.
Всегда была такая, как хотел:
хотел - смеялась,
а хотел - молчала...
Но гибкости душевной есть
предел,
и есть конец
у каждого начала.
Меня одну во всех грехах
виня,
все обсудив
и все обдумав трезво,
желаешь ты, чтоб не было
меня...
Не беспокойся -
я уже исчезла.

У всех бывают слабости минуты,
такого разочарованья час,
когда душа в нас леденеет будто
и память счастья покидает нас.
Напрасно разул громко и толково
твердит нам список радостей земных:
мы полним их, мы верить в них готовы
и все-таки не можем верить в них.
Обычно все проходит без леченья,
получит боль и станет убывать,
а убивает в виде исключения,
о чем не стоит все же забывать.

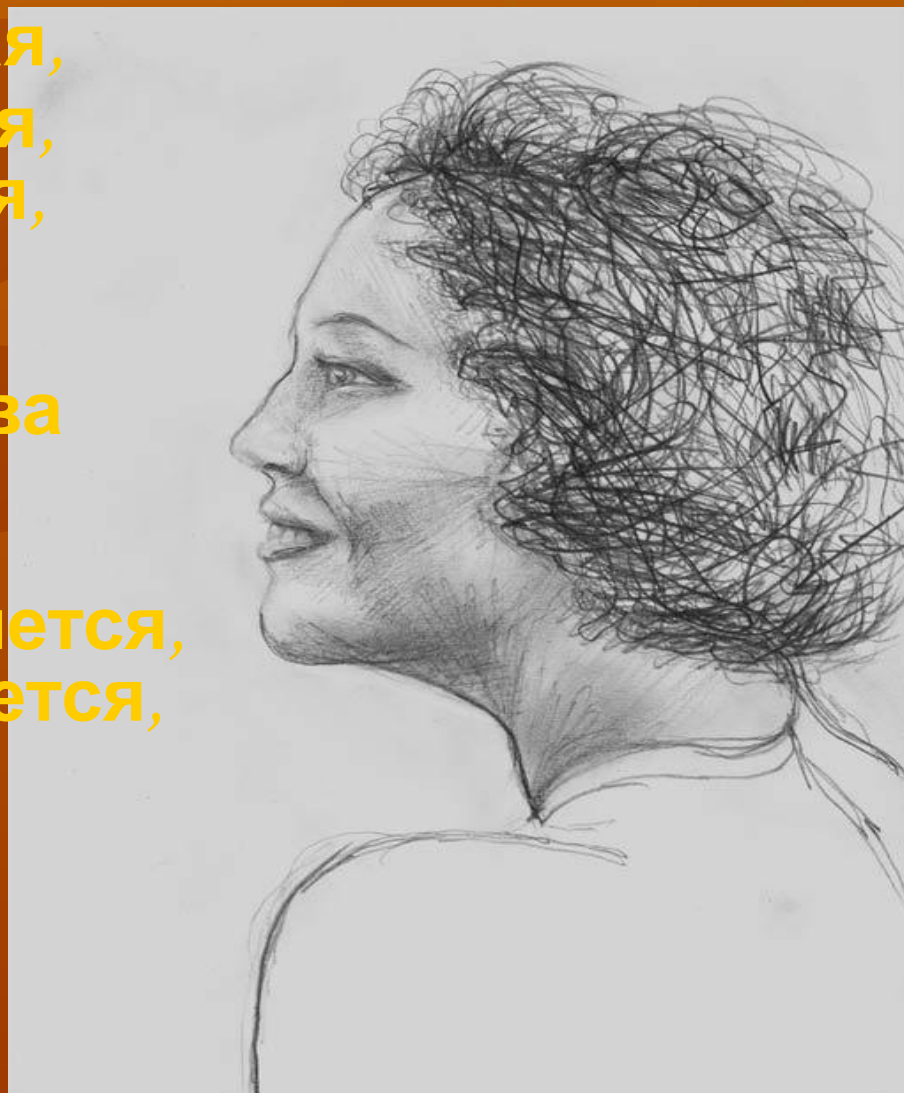
**С тобой я самая верная,
С тобой я самая лучшая,
С тобой я самая добрая,
Самая всемогущая.**

**Щедрые на пророчества
Твердят мне:**

- Счастье кончается!

**А мне им верить не хочется,
Мне их слушать не хочется,
Ну их всех!**

**Ничего не кончится
Так иногда случается!**

В. Тушинова. «С тобой я самая верная...»"

СТИХОВ

Первая книга. 1945.

Пути-дороги. 1954.

Дорога на Клухор.

1956.

Память сердца. 1958.

Второе дыхание. 1961.

Лирика. 1963, 1969.

Сто часов счастья.

1965.

Стихи. 1969.

*Все было до меня: десятилетия
того, что счастьем называем мы.*

*Цвели деревья,
вырастали дети,
чередовались степи и холмы,
за ветровым стеклом рождались зори
очередного праздничного дня,—
был ветер,
берег,
дуб у лукоморья,
пир у друзей,—
все это без меня.*

*Моря и реки шли тебе навстречу,
ручной жар-птицей
в руки жизнь плыла...*

*А я плутала далеко-далече,
а я тогда и ни к чему была.*

*Ты без меня сквозь годы пробивался,
запутывался и сплеча рубил,
старался, добивался, любовался,
отпировал, отплакал, отлюбил...*

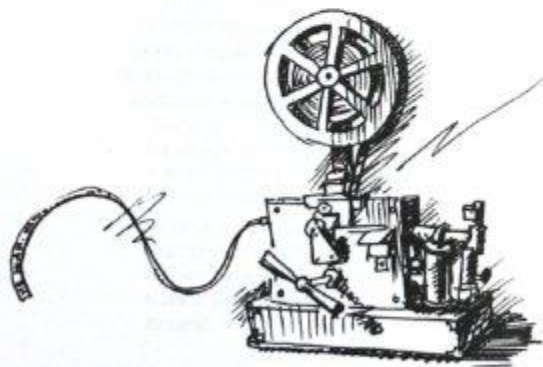
*Ты отдал все, что мог, любимой ради,
а я?—*

*всего глоток воды на дне,
сто скудных грамм в блокадном Ленинграде.*

*Завидуйте,
все любящие,
мне!*

МОЛНИЯ

На пасмурном бланке короткие строчки:
«Не жди. Не приеду. Целую. Тоскую».
Печатные буквы, кавычки да точки —
не сразу признаешь в них руку мужскую.
Обычно от молнии хочется скрыться,
бывает, она убивает и ранит..
Но это не молния — просто зарница.
За такой молнией грома не грянет.
«Не жди. Не приеду»..
Какое мне дело!
«Целую. Тоскую»..
Какое мне горе!
И впрямь, вероятно, гроза оттремела,
ушла стороною за синее море.

ВОСПОМИНАНИЕ

Мне жаль голубого приморского дня
с персидской сиренью, горячей и праной,
с бушующим солнцем,
соленой моряной;
мне жаль этой встречи, короткой и странной,
когда ты подумал, что любишь меня.
Дымась и блеща, закипали буруны,
чернели на рейде тела кораблей..
За нами пришла краснокрылая шхуна,
но мы не рискнули довериться ей.
Кричала сирена в порту, как тревога,
и стонущий голос по ветру несло..
Цыганка сказала: — Печаль и дорога.. —
Такое у них, у цыган, ремесло.
Цыганка лукавая и молодая
взяла твою руку:
— А ну, погадаю! —
Но ты побоялся ее ворожбы,
ты думал, что можно уйти от судьбы!
Попробуй уйди..
Полустанок осенний,
печаль и смятение последних минут..
Ни просьбы, ни слезы, ни ложь во спасенье
уже ни тебя, ни меня не спасут.
Но даже теперь, на таком расстоянии,
случается вдруг, и тебя и меня
в летящих ночах настигает сиянье
того голубого, приморского дня.

*Мне говорят: нету такой любви.
Мне говорят: как все, так и ты живи!
Больно многого хочешь, нету людей таких.
Зря ты только морочишь и себя и других!
Говорят: зря грустишь, зря не ешь и не спишь,
не глупи!*

*Всё равно ведь уступишь, так уж лучше
сейчас
уступи!*

...А она есть. Есть. Есть.

*А она - здесь,
здесь, здесь, в сердце моём
тёплым живёт птенцом,
в жилах моих
жгучим течёт свинцом.*

*Это она - светом в моих глазах,
это она - солью в моих слезах,
зренье, слух мой,
грозная сила моя,
солнце моё, горы мои, моря!
От забвенья - защита,
от лжи и неверья - броня...*

*Если её не будет,
не будет меня!*

*...А мне говорят:
нету такой любви.*

Мне говорят: как все, так и ты живи!

*А я никому души
не дам потушить.*

*А я и живу, как все
когда-нибудь*

Сергей Есенин

Вероника Тушнова

*Не о чем мне печалиться,
откуда же
слезы эти?
Неужели сердце прощается
со всем дорогим на свете —
с этим вечером мглистым,
с этим безлистным лесом...
А мне о разлуке близкой
ничего еще не известно.
Все еще верю:
позже,
когда-нибудь...
в марте... в мае...
Моя последняя осень.
А я ничего не знаю.
А сны все грустнее снятся,
а глаза твои все роднее,
и без тебя оставаться
все немыслимее!
Все труднее!*

*Не опасаясь впасть в
сентиментальность, для нас с тобой
такой угрозы нет. Нас выручает
расстояний дальность, число разлук,
неумолимость лет. Нам ничего
судьба не обещала, но, право, грех ее
считать скупой: ведь где-то на
разъездах и причалах мы все-таки
встречаемся с тобой. И вновь —
неисправимые бродяги — соль
достаем из пыльного мешка, и делим
хлеб, и воду пьем из фляги до первого
прощального гудка. И небо, небо,
синее такое, какое и не снилось
никому, течет над нами вечною
рекою в сплетеньях веток, в облачном
дыму*

*Биенье сердца моего,
тепло доверчивого тела...
Как мало взял ты из того,
что я отдать тебе хотела.
А есть тоска, как мед сладка,
и вянущих черемух горечь,
и ликование птичьих сборищ,
и тающие облака..
Есть шорох трав неутомимый,
и говор гальки у реки,
картавый,
не переводимый
ни на какие языки.
Есть медный медленный закат
и светлый ливень листопада...
Как ты, наверное, богат,
что ничего тебе не надо*

☆☆☆

*Бывало всё: и счастье, и печали, и разговоры
длинные вдвоём.*

*Но мы о самом главном промолчали, а может, и не
думали о нём.*

*Нас разделило смутных дней течение - сперва
ручей, потом, глядишь, река...*

*Но долго оставалось ощущение: не навсегда,
ненадолго, пока...*

*Давно исчез, уплыл далёкий берег, и нет тебя, и
свет в душе погас,*

*И только я одна ещё не верю, что жизнь навечно
разлучила нас.*

[1969]

Так уж сердце у меня устроено - не могу вымаливать пощады. Мне теперь - на все четыре стороны... Ничего мне от тебя не надо. Рельсы - от заката до восхода, и от севера до юга - рельсы. Вот она - последняя свобода, горькая свобода погорельца. Застучат, затарахтят колеса, вольный ветер в тамбуре засвищет, полетит над полем, над откосом, над холодным нашим пепелищем.

мучениях. Не только от страшной болезни, но и от тоски по любимому человеку, решившемуся в конце концов выпустить горько-грешное счастье из рук: Поэтессы не стало

7 июля 1965 года.

Ей едва исполнилось 50 лет. Остались рукописи в столе: недописанные листки поэмы и нового цикла стихов. Через три года после своей Любимой умер, тосковавший и мечущийся в этой холодной тоске до последних дней, Александр Яшин. Диагноз звучал также зловеще - "рак". Как тут не вспомнить классическое:

Юлия Друнина
«Да, ты ушла...»

Да, ты ушла.
Со смерти взятки гладки.
Звучат иных поэтов голоса.
Иные голосистей. Правда это.
Но только утверждаю я одно:
И самому горластому поэту
Твой голос заглушить не суждено.
Твой голос – тихий, как
сердцебиенье.

В нём чувствуется школа поколенья
Науку скромности
прошедших на войне
Тех, что свою карьеру начинали
В сырой землянке –
не в концертном зале
И не в огне реклам –
в другом огне ...

ПОЭТЕССА
ТУШНОВА
ВЕРОНИКА МИХАЙЛОВНА
1915 — 1965

Я стою у открытой двери, я прощаюсь,
я ухожу. Ни во что уже не поверю, - всё
равно напиши, прошу! Чтоб не
мучиться поздней жалостью, от
которой спасенья нет, напиши мне
письмо, пожалуйста, вперёд на
тысячу лет. Не на будущее, так за
прошрое, за упокой души, напиши обо
мне хорошее. Я уже умерла. Напиши!

Друзья поэтессы после смерти Вероники, говоря о ее стихах, вспоминали слова знаменитого хирурга о человеческом сердце, оказавшемся на его ладони: “Это, знаете ли, вот когда оно в руке трепещет, - это я ни с чем в жизни не могу сравнить...”

В надгробном слове на похоронах поэтессы Александр Яшин говорил о ее “благородном сердце, обнаженном до предела” ...

Человек живет совсем немного -
несколько десятков лет и зим,
каждый шаг отмеривая строго
сердцем человеческим своим.
Льются реки, плещут волны
света, облака похожи на ягнят...
Травы, шелестящие от ветра,
полчищами поймы полонят.
Выбегает из побегов хилых
сильная блестящая листва,
плачут и смеются на могилах
новые живые существа.
Вспыхивают и сгорают маки.
Истлевают дочерна трава... В
мертвых книгах крохотные знаки
собраны в бессмертные слова.

1965

Использованная литература

- *Басалаев И., Стихи Вероники Тушиновой, «Звезда», 1955, № 1;*
- *Жирмунская Т., Кладовая тепла. «Литературная газета», 1967, 12 июля;*
- *Интернет.*
- *Сборники стихов разных лет.*